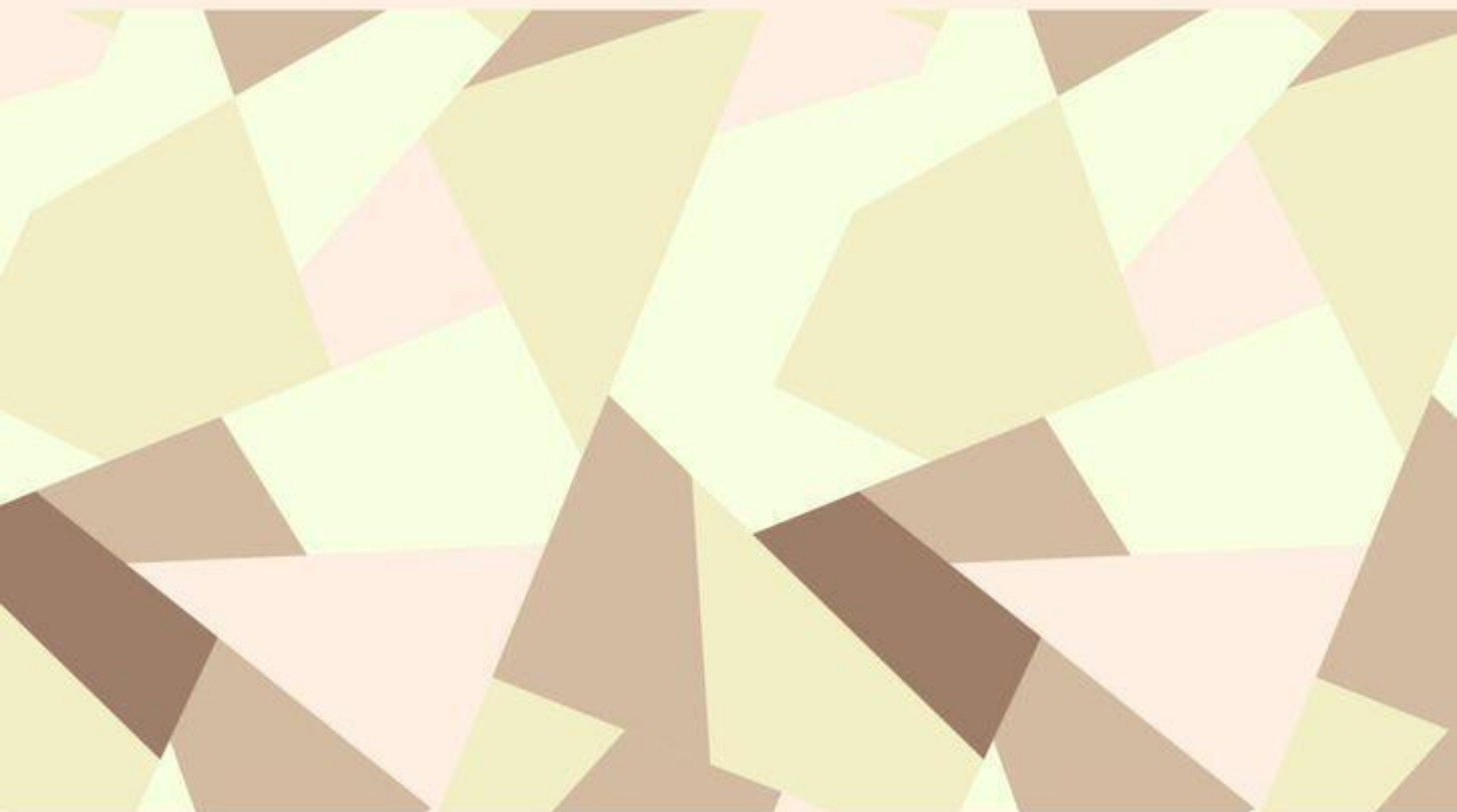

18+

Арина Лорель

КОД ВЕЧНОСТИ

Арина Лорель

Код вечности

«Издательские решения»

Лорель А.

Код вечности / А. Лорель — «Издательские решения»,

2789 год. Человечество освоило Глубинный Резонанс — поле, связывающее все параллельные миры. Техномаги — элитные инженеры реальности — переписывают локальные константы, создавая из вероятностей материю, энергию и даже жизнь. Арсений Нестеров, бывший техномаг высшего посвящения, лишён дара после катастрофы на станции «Эдем», унёсшей 150 000 жизней. Он считает себя виновным — пока не обнаруживает, что звёздные системы начали бесследно исчезать. Исчезновения подчиняются древней магии.

© Лорель А.

© Издательские решения

Содержание

Код Вечности	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Код вечности

Арина Лорель

© Арина Лорель, 2026

ISBN 978-5-0071-1317-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Код Вечности

Глава 1

«Тензор-7» не летел — он висел. Застрял в проклятой пустоте между рукавами, где даже фотоны сдавались и теряли охоту к движению. Здесь не было звёзд, только далёкое мерцание галактических ядер, которое казалось насмешкой. Станция походила на огрызок кристалла, опутанный паутиной нанонитей, мерцающей, как паутина на рассвете, а внутри, в трёхсот-метровой сфере, дышало Сердце Резонанса — единственный генератор вероятностей пятого порядка во всём секторе. И сегодня оно сбивалось с ритма.

Арсений Нестеров чувствовал это каждой клеткой. Даже сквозь подавители, вживлённые в позвоночник, даже с фильтром, который Совет заставил его носить после «Эдема». Сердце билось неровно — не как механизм, а как живое существо, которому снятся кошмары. Арсений стоял перед голографическим пультом, вплетённым прямо в сетчатку, и наблюдал цифры, которые не подчинялись ни одной известной модели.

Правый глаз видел данные — кривые, спектры, аномалии. Левый — только тьму и тусклый отсвет татуировки на руке: спираль, перечёркнутую треугольником. Печать техномага высшего уровня. Когда-то он менял реальность одной только волей, сворачивал пространство в узел, чтобы сократить путь между системами, и заставлял атомы перестраиваться по его команде. Теперь рисунок просто старел вместе с ним — и тихо напоминал, кем он был. И кем больше не будет.

Он потёр левый висок, где под кожей всё ещё ощущался шрам от импланта-блокиратора, который ему вставили после суда. Восемь месяцев назад. Тогда он потерял всё: команду, станцию, дар. И, как ему казалось, смысл. Но гвоздь, который лежал под колпаком в дальнем конце зала, гвоздь с Триместр-9, не давал ему забыть.

— Ты опять снял блокировку, — голос Лао звучал сухо, будто по металлу скребли песком. — Выходишь в поле без сетки. Идиотизм чистой воды. Твои нейроны ещё не восстановились после прошлого раза.

Арсений даже не обернулся. Он знал, что кшитри стоит в дверном проёме, сложив руки на груди — жест, который у людей означал бы раздражение, а у Лао был признаком глубочайшего беспокойства.

— Привет, старина. С блоком я не слышу, как оно дышит. А оно сегодня дышит как-то не так. Сердце... у него аритмия. Ты видел, что выдают спектрометры?

Лао шагнул в зал. Его кожа переливалась золотом — он действительно злился. Кшитри вообще были существами настроения: их тройная спираль реагировала на эмоции быстрее, чем у людей, и цвет кожи был для них чем-то вроде открытой книги. Сейчас Лао горел, как монета на солнце.

— Видел, — ответил он. — Седьмой уровень когерентности падает на три процента в час. Но это не повод снимать защиту. Ты же знаешь, что обратная связь может тебя убить. Ты уже однажды был на грани, на «Эдеме». Совет не просто так поставил блок.

Арсений усмехнулся. Горько, одними уголками губ.

— Совет поставил блок, потому что я видел то, чего они не хотят видеть. И потому что я отказался стереть себе память. Знаешь, Лао, когда тебя объявляют сумасшедшим, легче всего в это поверить. Но я помню, что было на «Эдеме». Там не было взрыва. Там было... удаление.

Он наконец повернулся к кшитри. Лао был выше его почти на голову, с узкими зрачками и длинными пальцами, которые никогда не лежали спокойно. Сейчас он перебирал керамические пластины, которые носил с собой вместо голографических планшетов.

— Данные, — Арсений протянул руку. — Дай сюда. Я хочу видеть не спектры, а сырые показатели массы. Те, что ты прячешь от меня.

Лао замер. Потом медленно вложил ему в ладонь тёплую пластину. Биометрия считалась мгновенно, и перед внутренним взором Арсения развернулась карта: семь звёздных систем за два месяца. Триместр-9, потом Гамма-Цефея-4, потом ещё пять. Не взрывы. Не коллапсы. Просто — пустота. Как будто кто-то стёр их ластиком с карты вселенной, оставив только идеально ровные границы отсутствия.

— Масса не сходится, — тихо сказал Лао. — Энергия. Импульс. Их нет. Вообще. Ты понимаешь, что это значит? Ни один известный нам физический процесс не может уничтожить материю так чисто. Даже чёрные дыры оставляют следы. А здесь — ничего. Как будто этих систем никогда не существовало.

Арсений потёр переносицу. Побочка от снятого фильтра давала о себе знать: он начинал видеть магию. Не ту, из детских сказок, а глубокую структуру, ту самую ткань, из которой соткана реальность. Сейчас, за бронированным стеклом обзорной панели, в пустоте клубились золотые нити Резонанса — они переплетались, пульсировали, дышали в такт Сердцу. И одна из них, прямо на границе видимости, была рваной. Чёрной. Как шов на живом теле. Она уходила в никуда, и от неё тянуло холодом, которого не должно было быть в вакууме.

— Это не физика, — сказал он, чувствуя, как татуировка на руке начинает нагреваться. — Это обряд. Кто-то проводит систематическое удаление вероятностей. Седьмая гармоника, сдвиг на половину пи, когерентность размазана по фазе. Так бывает, когда вероятность выдирают с корнем. Насильно.

— Обряд? — Лао наклонил голову под углом, от которого у человека хрустнули бы позвонки. — Ты говоришь как шаман. У нас нет шаманов, Арсений. Есть техномаги, есть физики, есть Совет. Больше ничего.

— А ты глянь на эту нить, — Арсений махнул пальцем в сторону прозрачной стены. — Твои приборы не видят её, потому что она не в электромагнитном спектре. Но я могу показать тебе, как её засечь. Настрой сканер гравитации на частоту резонанса вакуума. Увидишь.

Лао скептически прищурился, но подошёл к пульту. Его длинные пальцы запорхали над сенсорами. Через три удара пульса пластина в руке Арсения высветила новые цифры. Кштри выпрямился, и его лицо потемнело до глубинного багрянца — так у его расы проявлялся страх.

— Ты прав, — выдохнул он. — Это не гравитация. Это... что-то другое. След, оставленный не физическим объектом, а намерением. Чистым намерением.

— Вот именно, — Арсений шагнул к дальнему концу зала, туда, где под герметичным колпаком лежал гвоздь. — Похоже на след техномага. Но ни один из нас не способен стереть целую систему. Даже Совет Ковчега не потянет такое. А если это не наш техномаг? Если магия пришла не из Резонанса, а откуда-то ещё?

— Ты не думаешь, что это связано с тем, что ты видел на «Эдеме»? — тихо спросил Лао. Он подошёл ближе, и его голос стал почти человеческим — без обычной металлической сухости. — Я тогда не поверил тебе, Арсений. Я думал, что твой дар дал сбой, что обратная связь сожгла тебе кору. Но теперь... теперь я не знаю.

Арсений остановился у колпака. Сквозь бронированное стекло он видел гвоздь — ржавый, кривой, с бурыми пятнами, которые не были ржавчиной. Он нашёл его на обломках астероида возле Триместр-9, когда один из разведывательных зондов принёс сигнал, которого не могло быть. Гвоздь пел, если на него капала человеческая кровь. Пел на частоте, которой в природе не существовало. Никто, кроме Арсения, не слышал этого пения. Но он слышал. И знал, что это не галлюцинация.

— Лао, — сказал он, не оборачиваясь. — Ты знаешь, почему я выжил на «Эдеме»? Почему я единственный, кто вернулся?

— Потому что ты отключил свой дар в последний момент. Имплант сгорел, но ты успел перекрыть канал.

— Нет. Я выжил потому, что я не пытался сопротивляться. Я просто смотрел. И они увидели меня. Они, кто уничтожил «Эдем». Они не тронули меня, потому что я был для них... сбой. Ошибка калибровки. Недостаточно сильный, чтобы быть угрозой, достаточно слабый, чтобы не тратить на меня время.

Он откинул колпак. Металлическая крышка с шипением отошла в сторону. Гвоздь лежал на чёрном бархате, и в тусклом свете аварийных ламп он казался обычной железкой — нелепой, бесполезной. Но Арсений видел, как вокруг него вьются тонкие чёрные нити, точно такие же, как та, что уходила в пустоту за стеной.

— Не смей, — Лао отшатнулся, и его кожа вмиг стала пепельно-серой. — Арсений, прошу тебя. Твой дар заблокирован. Если ты коснёшься его сейчас, без фильтра, без защиты, обратная связь может выжечь тебе сознание. Ты умрёшь. Или, что хуже, станешь кем-то другим.

— По решению Совета меня не успели пристрелить, — поправил Арсений. — Это был компромисс: блокировка вместо смерти. А дар заблокировала обратная связь на «Эдеме» — они сами его сломали. Разница есть. Гвоздю не нужен мой дар. Ему нужна кровь. Просто кровь. Обычная, человеческая.

Он поднёс палец к ржавому кончику. Лезвие было острым, хотя выглядело тупым — ещё одна странность, которую он не мог объяснить. Лёгкое нажатие, и капля крови выступила на подушечке, стекла по металлу.

И мир рассыпался.

Не взорвался — разошёлся швами, как старая ткань, которую тянут в разные стороны. Арсений почувствовал, как его тело перестаёт быть твёрдым, как границы между ним и пространством стираются. Он провалился в щель между слоями реальности — туда, где время текло в обе стороны сразу, где будущее сталкивалось с прошлым, а пространство сжималось в узелки размером с атом и разворачивалось в бесконечные холсты.

Он не падал. Он перемещался по воле, которую не мог контролировать. Вокруг него не было звёзд — был только бесконечный мрак, расцвеченный редкими вспышками света, похожими на зарницы далёкой грозы. И в этом мраке, над чёрным морем, которое не отражало ничего, парил замок из света — хрустальный, невесомый, невозможный. Замок состоял из геометрических фигур, которые меняли друг друга, и в каждой грани отражалась целая вселенная.

В замке жили те, у кого не было тел. Зато были имена — не слова, а высказывания, которые становились законами физики. Арсений не мог их видеть, но чувствовал их присутствие — как давление гигантских пальцев на своё сознание. Один из них обернулся к нему — не головой, а целым измерением. И Арсений понял, что его рассматривают со всех сторон одновременно.

— Носитель Пустоты, — голос звучал в его костях, минуя уши. Он резонировал с каждой клеткой, заставляя татуировку на руке раскаляться добела. — Мы помним тебя. Ты был тем, кто смотрел, не моргая. Твой мир гибнет не случайно. Мы судим его.

Арсений попытался заговорить, но у него не было рта в этом месте. Он просто послал мысль — отчаянную, громкую:

— За что? Кто вы?

— Грех — избыточность. Слишком много веток. Слишком много жизней. Слишком много исходов. Реальность должна быть экономной. Ваша — расточительна. Семь систем — это только приговор. Предупреждение. Следующие будут стираться быстрее.

— Вы не можете! — Арсений рванулся, но его тело осталось на месте, привязанное к невидимым нитям. — Там миллиарды людей. Вы не имеете права!

— Право? — голос стал мягче, почти насмешливым. — Мы — те, кто пожирает исходы. Вы звали нас богами. Потом — сказкой. Теперь мы — ваша казнь. Но мы даём тебе выбор, Носитель Пустоты. Ты первый, кто увидел нас и не сошёл с ума. Ты можешь стать нашим голосом. Предупреди свой вид. Скажи им, что они должны сократить число вероятностей. Прекратить эксперименты с Резонансом. Закрыть генераторы пятого порядка. Иначе...

— Иначе что?

— Иначе мы вырежем всё. Каждую ветку. Каждый исход. Оставим только одну — самую чистую. Ту, где человечества нет.

Видение лопнуло, как мыльный пузырь, пронзённый иглой. Арсений рухнул на колени, ударившись лбом о холодный металлический пол. Из носа у него потекла не кровь — чёрная, маслянистая жидкость с металлическим запахом, которая шипела, касаясь поверхности. Он попытался вдохнуть, но лёгкие горели, будто он надышался жидким азотом.

Лао уже был рядом. Его защитное поле накрыло Арсения полупрозрачным куполом, и кшитри лихорадочно вводил какие-то команды в портативный диагностический модуль. Лицо Лао было серым — таким его Арсений не видел никогда.

— Тебя не было три секунды, — выдохнул Лао, не отрываясь от приборов. — Твои нейроны переписаны на семнадцать процентов. Ещё полминуты — и твоя личность была бы стёрта. Они изменили твои воспоминания, Арсений! Что они сделали с тобой?

— Они... не сделали, — прохрипел Арсений, сплёвывая чёрную жидкость. — Они показали мне карту. Лао, они собираются стереть всё. Весь сектор. Всех. Мы должны остановить их.

— Остановить кого? Ты бредишь.

— Нет. Я видел их. Они — Суд. Они существуют за пределами Резонанса. Они... они едят вероятности, как мы едим хлеб. И они сказали, что люди слишком плодovиты. Слишком много возможностей. Они хотят оставить только одну ветку.

Арсений поднял голову, и Лао замер, глядя на его руку. Татуировка горела алым — но теперь это был не просто рисунок. Вокруг спирали и треугольника проступали новые знаки: руны, которых Арсений никогда не учил, символы на языке, который не имел отношения ни к одному из известных алфавитов. Они двигались, перестраивались, складываясь в слова. И Арсений — без всякого обучения — понял их.

— Что это? — прошептал Лао.

— Это... они дали мне ключ, — Арсений с трудом поднялся, опираясь на пульт. — Или проклятие. Я не знаю. Но там написано: «Тот, кто погасил в себе огонь, может зажечь его снаружи. Цена — всё, что ты любишь».

Он посмотрел на своё отражение в тёмном стекле обзорной панели. Лицо было бледным, под глазами залегли тени, чёрная жидкость засохла на губах, как старая кровь. Но в зрачках горел странный свет — не его, чужой. Тот, что пришёл из замка.

— Лао, — тихо сказал он. — У нас есть сутки. Максимум. Следующая система в списке — это Новая Земля. Там два миллиарда человек. Мы должны предупредить их.

— Мы не можем! — воскликнул кшитри. — У нас нет доказательств. Совет сочтёт нас безумцами. Тебя уже считают опасным преступником. Если мы придём с этим — нас просто застрелят. Или, что хуже, заблокируют окончательно. Ты станешь овощем, Арсений.

— Тогда мы не пойдём к Совету. — Арсений вытер лицо тыльной стороной ладони, оставляя на коже чёрный след. — Мы пойдём в Ковчег. На прямую связь с Оракулом. Если я смогу подтвердить свои слова через его систему, они будут обязаны слушать.

Лао опустил глаза. Его кожа медленно начала светлеть — он успокаивался.

— Ты знаешь, что Оракул не работает без полного доступа. Он требует, чтобы оператор был подключён напрямую. Нейроинтерфейс. Ты лишился своего на «Эдеме».

— У меня есть другой, — Арсений поднял правую руку и показал на татуировку. — Они дали мне новый. Я не знаю, как он работает. Но я чувствую, что он меняет меня. Внутри. Каждую секунду.

Он сделал шаг к выходу, но остановился и обернулся к Лао.

— Ты пойдёшь со мной? Даже если это самоубийство?

Кшитри поднял голову. Его глаза — тёмные, глубокие, как колодцы — встретились с глазами человека.

— Я пойду, — сказал он без колебаний. — Потому что если ты прав, то мой вид тоже умрёт. Мы все умрём. А если ты ошибаешься... — он выдавил подобие улыбки, — тогда мы хотя бы умрём не от скуки.

Арсений кивнул. Чёрная жидкость на его руке начала подсыхать, превращаясь в тонкую корку, которая пахла озоном и горечью. Новые руны мерцали в такт сердцебиению.

Он знал, что они дали ему не просто проклятие. Они дали ему возможность. Но цена, о которой они говорили, была настоящей — он чувствовал, что всё, что он любил, всё, что держало его на плаву, уже начало таять. Воспоминания о жене, которая погибла на Триместр-9, стали блёкнуть. Голос дочери, которую он не видел десять лет, затихал. Он отдавал часть себя, просто приняв эту силу.

Но если это могло спасти миллиарды — он был готов.

«Тот, кто погасил в себе огонь, может зажечь его снаружи», — повторил он про себя. — *«Цена — всё, что ты любишь»*.

Он толкнул дверь, и станция встретила его гулом аварийных сирен. Сердце Резонанса билось всё быстрее, и в этом ритме Арсений слышал не панику, а отчаянный призыв.

— Пошли, — сказал он Лао. — У нас не сутки. У нас двенадцать часов. И каждый из них — последний.

Глава 2

Орбитальная станция «Эдем» висела над Кеплером-442b — шар диаметром в сорок километров, похожий на гигантскую жемчужину, вплавленную в чёрный бархат космоса. Внутри не было куполов и перегородок. Вместо них работал Резонанс: воздух тек по воле людей, погоду правили прямо в атмосфере, меняя вероятности с той же лёгкостью, с какой художник смешивает краски. Дожди шли вверх, если кому-то так хотелось, град складывался в изящные фигуры — спирали, многогранники, портреты ушедших. По стеклянным улицам, которые изгибались под ногами, словно живые, бродили конструкты — слепки Резонанса, безликие, послушные, прозрачные, как морская вода на мелководье. Они обслуживали станцию, носили грузы, лечили раны и улыбались всем одинаково.

Арсению тогда шёл двадцать седьмой. Он был молод, быстр и, как сам признавался, до неприличия самоуверен. В его крови кипел тот самый опасный коктейль из таланта, амбиций и полного отсутствия инстинкта самосохранения, который и вывел его в десятку лучших калибровщиков сектора. Он влезал в любую авантюру, не думая о последствиях, и это — странное дело — всегда срабатывало. До «Эдема».

Он стоял в Центральном узле — громадном зале, где сходились все нити управления станцией. Голограммы висели в воздухе плотными слоями, как облака, и в них утопали десятки техномагов. Но Арсений не смотрел на них. Он смотрел в самое сердце Уравнителя — устройство, которое должно было подчинить резонанс целой планеты, превратив Кеплер-442b в гигантский процессор. Если бы эксперимент удался, человечество получило бы вычислительные мощности, достаточные, чтобы моделировать вселенные. Это был бы прорыв, сравнимый с открытием Резонанса триста лет назад.

— Седьмой контур держи ровно сорок секунд, — сказала Айрис, его напарница с Новой Дамбы. Её голос звучал в ухе сквозь нейросвязь — чистый, с лёгкой хрипотцой, которую он так любил. Её импланты горели по всему телу, как праздничная иллюминация — золотые линии под смуглой кожей, пульсирующие в такт её дыханию. — Сорок, и сразу замыкай на ноль-генератор. Не тяни, Арс.

— Знаю, — бросил он, не отрываясь от панели. — Я здесь не вчера появился.

— Я знаю, что ты здесь не вчера появился. Я знаю, что ты гений, идиот и самовлюблённый баран в одном лице. Но сегодня у нас не тренировка. Сегодня у нас экзамен. Так что делай, как я говорю.

Он улыбнулся краем губ. Айрис всегда была такой — жёсткой, требовательной, не терпящей ошибок. Зато она умела видеть на три шага вперёд, там, где он доверял интуиции. Они работали вместе три года, и за это время их связка стала легендой. Он — молния, она — сталь. Никто не мог предположить, что их последняя совместная работа станет последней для пятидесяти тысяч человек.

Арсений начал вводить параметры. Пальцы летали над сенсорами, вычерчивая сложные узоры — жесты техномага, которые переводили мысль в команду для Резонанса. Каждое движение требовало концентрации, каждое изменение параметра отдавалось вибрацией в костях. Он чувствовал, как Уравнитель отзывается ему — не как машина, а как огромное живое существо, которое он учил дышать.

Тяжесть в отсеке скакнула к нулю — внутренности на миг стали невесомыми, вена на шее вздулась от прилива крови. Потом она взлетела вдвое, и его позвоночник жалобно хрустнул. Потом гравитация исчезла вовсе, и её место заняло что-то безымянное, для чего ещё не придумали слова в человеческих языках. Арсений ощутил это как глухой звон в черепе, как будто кто-то тронул струну, натянутую между его ушами.

— Тридцать две секунды, — отчиталась Айрис. — Ровно. Ты на пределе, Арс. Твоя татуировка начинает светиться.

Он не смотрел на руку — и так знал. Спираль под кожей уже нагрелась, треугольник запульсировал алым. Это был знак перегрузки. Если он превысит лимит, Резонанс ударит в обратную сторону, и тогда имплант может не справиться. Но он чувствовал, что Уравнитель почти готов — последний рывок, и всё замкнётся.

— Тридцать семь, — выдохнул он. — Ещё три секунды, Айрис. Готовь нуль-генератор.

— Я готова. Замыкай.

Он ввёл последнюю команду. И на тридцать седьмой секунде контуры взвыли.

Это не был сбой. Это был удар. Будто реальность сжалась в кулак размером с галактику и с размаху двинула Арсения в грудь. Он отлетел от панели, ударился спиной о стену, но не почувствовал боли — вместо неё пришло ледяное онемение, которое растеклось по позвоночнику и замерло в основании черепа.

Панель перед ним брызнула искрами — голубые, оранжевые, фиолетовые прожилки лопнули, как вены под слишком большим давлением. Айрис закричала — не от боли, от ужаса. Её импланты чернели один за другим, как выключенные лампочки, и вместе с ними уходила сила из её тела. Она схватилась за голову и упала на колени.

— Айрис! — крикнул он, пытаясь встать.

Но в этот момент из центра Уравнителя вырвалась чёрная вспышка.

Арсений видел её и раньше — в кошмарах, в обрывках снов, в тех редких мгновениях, когда он снимал блокировку и заглядывал в пустоту. Но тогда это была иллюзия. Теперь — реальность. Луч не отражался от поверхностей, не грел, не имел цвета в обычном смысле. Он просто шёл — медленно, величественно, как рука гиганта, протянутая сквозь пространство. И всё, до чего он дотрагивался, исчезало.

За три секунды станция потеряла треть своего объёма. Отсеки, коридоры, лаборатории, жилые кварталы — всё, до чего коснулась чёрная вспышка, аннулировалось без взрыва, без звука, без остатка. Арсений смотрел, как растворяются люди — они не кричали, не корчились, они просто переставали быть. Их тела схлопывались в точки, которые тут же гасли, как свечи на ветру. Конструкты таяли, как снег. Стены исчезали, оставляя зияющую дыру, в которой не было даже вакуума — просто ничто.

— Арс! — закричала Айрис. — Она идёт к нам!

Он повернулся и увидел, как чёрный фронт приближается, пожирая ряды приборов, кресла, панели. Айрис лежала на полу, ослабленная, обессточенная, её импланты были мертвы. Она не могла бежать. Она не могла даже встать.

И он сделал единственное, что мог.

Арсений бросился к ней, заслонил собой — и в тот же миг чёрная вспышка ударила его в левую руку. Он не почувствовал боли в привычном смысле — это было хуже. Имплант на руке взбесился: вместо того чтобы блокировать удар, он начал сосать энергию из самого хозяина. Кожа на предплечье почернела, мышцы свело так, что хрустнули суставы, и по телу разлился холод, как от жидкого гелия. Он чувствовал, как его дар — сама суть техномага — выдирается из него с корнем, превращаясь в топливо для этого чудовищного луча.

Но он держал. Держал Айрис под собой, не давая ей коснуться чёрного света. Держал, пока его сознание не начало меркнуть, а зубы не сжались так, что эмаль треснула.

Чёрная вспышка прошла сквозь них, оставив только лёгкое жжение на границе с кожей. И погасла. Всё стихло. Уравнитель замолк, как будто его никогда не было.

Когда Арсений открыл глаза, «Эдем» превратился в мёртвый шар. Тишина стояла такая, что он слышал собственное сердцебиение — глухое, неровное, как последние удары барабана перед расстрелом. От ста пятидесяти тысяч тел остались только те, кто успел спрятаться за толстыми стенами, которые чёрный свет не смог пробить. Но ещё двенадцать тысяч — просто

исчезли. Их атомы не нашли даже в вакууме. Арсений знал, что они не погибли в обычном смысле. Их вырезали из реальности. Как страницу из книги.

Айрис осталась жива. Она лежала под ним, бледная, без сознания, но живая. Её импланты почернели и потухли — навсегда. Она больше никогда не сможет коснуться Резонанса. Но она дышала.

Арсений сам едва стоял на ногах. Его левая рука висела плетью — мышцы атрофировались, кожа почернела и начала отслаиваться. Имплант, который когда-то делал его великим техномагом, теперь был мёртвым куском металла под кожей. Он заблокировался сам, чтобы не убить носителя, но в процессе выжег дар полностью.

Спасатели прибыли через два часа. Совет Ковчег взял расследование под личный контроль. Вердикт был оглашён через неделю: случайный выброс, человеческая ошибка, перегрузка Уравнителя. Арсений пытался спорить, пытался сказать, что чёрная вспышка была осознанной, что у неё была структура, что кто-то направил её. Но у него не было доказательств. Лицензию аннулировали, дар признали утраченным, а его самого сослали на «Тензор-7» — самую удалённую станцию в секторе, наблюдать за пульсациями Резонанса и не высовываться. Мягкая ссылка, почти милость. Совет заявил, что он не виноват, но «для его же безопасности» его нужно изолировать.

Шесть лет он верил в эту версию. Шесть лет он считал, что это был несчастный случай. Он привык, что его дар ушёл, что он превратился в зрителя ржавеющей станции, что все его амбиции сгорели вместе с «Эдемом». Он даже почти начал забывать лица тех, кого потерял.

Но теперь, глядя на чёрный шрам, который остался на месте Триместр-9, и читая руны на своей руке — те самые руны, что появились после контакта с Судом, — он понял.

Тот выброс не был случайностью.

Это был пробный шар. Кто-то — эти существа из замка, пожиратели исходов — проверяли, как легко стирать реальность. «Эдем» был мишенью. Уравнитель — не просто генератор, а маяк, который они использовали, чтобы нацелиться. Они вырезали станцию, чтобы изучить, как ведёт себя ткань бытия под ударом. И теперь, шесть лет спустя, они перешли к казни целых систем.

А Совет... Совет знал. Арсений был уверен в этом теперь. Они не стали расследовать глубже, потому что боялись того, что могли найти. Они предпочли похоронить правду вместе с мёртвыми.

Но Арсений больше не мог молчать.

Он стоял на обзорной палубе «Тензора-7», сжимая правую руку в кулак. Рваная чёрная нить за стеклом пульсировала в такт его новому сердцебиению — тому, что навязали ему руны. Он смотрел на неё и видел ту же чёрную вспышку, что шесть лет назад уничтожила «Эдем». Те же частоты. Та же структура.

— Они убили моих друзей, — прошептал он. — Они убили Айрис — не тогда, но забрали у неё всё, что у неё было. И теперь они хотят убить всех.

Он поднял голову к потолку, к тому месту, где за слоями стали и вакуума висела бездна.

— Я не позволю вам, — сказал он тихо, но твёрдо. — Я был сбоем калибровки шесть лет назад. Но теперь я — ваш сбой. И я вас остановлю, даже если мне придётся сжечь себя дотла.

Руны на его руке вспыхнули в ответ — алым, багровым, цветом крови и гнева. И Арсений понял, что они не просто обещают ему силу. Они требуют плату. И он готов заплатить.

Глава 3

Через час руки перестали дрожать. Арсений сел, сжал пальцы в кулак, разжал. Кожа на левой ладони всё ещё шелушилась чёрной коркой — та жидкость высохла, но не слезла. Запах озона вьелся в поры.

— Мне нужно в Ковчег.

Лао сидел на корточках у диагностической панели, водил пальцем по сенсору, считывая показатели. Даже не повернулся.

— Ты — никто. Без лицензии, без дара, с запретом на пересечение первого кольца. Тебя не пустят даже в шлюз.

— У меня есть кое-что, чего у них нет.

Арсений развернул голограмму над пультом. Ту самую — запись чёрной нити, которую он слепил из обрывков данных с Триместр-9. Она двигалась не как волна и не как частица. Как след от снаряда, который пробил плотную среду и оставил за собой турбулентный хвост.

— Я разобрался с этой штукой, — сказал он, кивая на руны. — Ты знаешь, что техномагия — это воровство. Мы не создаём энергию. Мы тащим вероятности из соседних миров. Огонь, вода, телепорт — всё краденое. Законы термодинамики не нарушаются, потому что мы перекладываем долги с одной вселенной на другую. Это как занять у соседа и не отдать.

Лао молчал. Выпрямился, сложил руки. Смотрел в голограмму.

— А это, — Арсений коснулся чёрной линии кончиком пальца, голограмма на секунду пошла рябью. — Это не воровство. Это вырезание. Представь книгу. Каждая страница — отдельный мир. Техномаг перекладывает краски с одной страницы на другую. Истинный маг вырывает страницу и сжигает. Никаких долгов, никаких следов. Только дыра на месте текста.

— Ты видел это? — Лао перевёл взгляд с голограммы на лицо Арсения. — Или ты это придумал, пока сидел в своей капсуле?

— Я слышал от тех, кто живёт в замке из света. В ту секунду, когда гвоздь коснулся моей крови, я был у них внутри. Они называли себя Пожирателями Исходов.

— Бред.

— Тогда откуда мне известно, что у восьмого спутника Триместр-9 в коре тринадцать процентов осмия и четыре — неизвестного изотопа с периодом полураспада в семь тысяч лет, которого нет ни в одном справочнике? Эти цифры до сих пор под грифом «сверхсекретно». А они называли мне их в точности. Прямо перед тем, как сказали, что я — носитель пустоты, и что мой мир — следующая цель.

Лао замер. Долго. Так долго, что навигационный маяк под потолком щёлкнул дважды — автоматическая коррекция времени. На его лице не дрогнул ни один мускул, но кожа у основания шеи потемнела. Тот багровый оттенок, который у кшитри означал не гнев. Страх.

— Есть один человек на границе секторов, — сказал он, наконец, и голос его стал ниже на полтона. — Торгует артефактами, которых нет в реестрах. Старьёвщик, если по-простому. Говорят, у него есть вещи с «Эдема». Те, что Совет вычеркнул из описей.

— Мне не нужны вещи. Мне нужен способ говорить с ними без риска сгореть за три секунды. И оружие, которое бьёт не по телу — по вероятности. Такой товар есть?

— Есть. Вопрос в том, сможешь ли ты его забрать.

Арсений поднял руку. Руны на татуировке, которые проступили после видения, теперь не просто лежали под кожей — они пульсировали в такт его дыханию. В тусклом свете аварийных ламп он разглядел, как они сложились в новую фигуру. Компактную схему. Размером с кулак. Семь пересекающихся линий, замкнутых в петлю.

— Это Ключ Исхода, — сказал он. — Так она называется. Я понял это не умом — я почувствовал, когда они вписали её в меня. Она не для того, чтобы открывать двери. Она для того, чтобы закрывать их. Навсегда.

Лао приблизился, взглянул на руку с расстояния трёх сантиметров. Не притронулся.

— Если это правда, то они сами дали тебе оружие против себя.

— Или они дали мне ошейник, который считают меня ручным. Выбор за мной.

Он опустил рукав, скрыв татуировку. Прошёл к дальней стене, где в открытом контейнере лежал скафандр — старый, с заплатками, с царапинами на шлеме. «Реальность-2». Единственный во всём секторе, который держал контакт с выгоранием дольше пяти минут.

— Когда-то я думал, что управляю природой, — сказал Арсений, застёгивая фиксаторы на левом запястье. Пальцы дрогнули — не от страха, от того, что мышцы ещё помнили, как когда-то слушались. — Что Резонанс — это инструмент. А он просто позволял мне играть. Как ребёнку — игрушку, которую дали на время. Теперь настоящие хозяева вышли на охоту. И наука здесь бесполезна. Только их же оружие работает против них.

— Магия против магии, — Лао произнёс это без интонации. Как констатацию факта, в котором не было ничего героического.

— Именно. Только я уже не знаю, на чьей я стороне.

Он сунул ржавый гвоздь в нагрудный карман скафандра — тот нагрелся, коснувшись ткани. Взял второй карманный модуль — пустой, с разбитым сенсором — и сунул туда же. На случай, если придётся передавать данные без нейросети.

У шлюза обернулся. Лао стоял у панели, не двигаясь. Тени от аварийных ламп ложились на его лицо так, что глаза казались двумя провалами.

— Если не вернусь через семьдесят два часа — сотри все записи обо мне. Кроме одной. Найдёшь файл «Эдем-442b-исходные». Отправь Айрис. Скажи, что «Эдем» не был случайностью. И что я ушёл за ответами, которые нам не дали.

Лао не кивнул. Не сказал «да». Только спросил:

— Куда?

— Туда, где реальность трещит по швам. Рынок Мёртвых Богов. Говорят, там продаётся всё, кроме надежды. Мне нужен артефакт, который запишет диалог с ними без моего участия. Чтобы заплатить за него — не деньгами. Я отдам им знание о том, как техномаги воруют реальность. Они за это заплатят чем угодно. И я знаю, что они захотят это купить.

Люк захлопнулся с глухим шипением. Стыковочный модуль отчалил от станции, ушёл в чёрную пустоту, сверкнул кормовыми огнями и пропал в метеоритном поле.

Лао остался один. В рубке стало тихо — только гул Сердца Резонанса снизу, ровный, как дыхание огромного зверя. Он подошёл к панели, где Арсений вывел голограмму чёрной нити, и коснулся её пальцем. Ничего не произошло.

Через две минуты его пластина нагрелась. Тёплая керамика дрогнула в ладони. Он поднял её, прочитал.

Текст был выведен не шрифтом, не рунами. Он просто появился на поверхности — чёрный на тёмно-сером. Почерк был старым. Слишком старым. Тем, на котором писали кшитри до первого контакта с людьми.

«Ты тоже ищешь правду, Лао из рода Смотрящих Внутрь. Твой мир — следующая цель. Осталось 823 часа. Выбирай».

Под текстом стоял символ. Треугольник, перечёркнутый спиралью. Тот самый, что горел на руке Арсения. Только перевёрнутый. И под ним — подпись. Одно слово на языке, который Лао не слышал больше трёхсот лет.

Имя. Его собственное имя. Полное. То, которое он не говорил никому, кроме своего отца, когда тот умирал.

Кшитри впервые за столетия почувствовал, как холод проходит по спине — не снаружи, изнутри, от позвоночника к рёбрам. Он сжал пластину так, что она хрустнула, но не разбилась. На его коже выступила серебристая испарина — признак, которого у его расы не было со времён ледникового периода.

Не за себя. За тех, кто ещё не знал, что боги, которых человечество схоронило в мифах и сказках, не умерли. Они просто ждали. Ждали, когда их перестанут бояться. Когда люди перестанут в них верить — чтобы нанести удар.

Лао убрал пластину в карман, подошёл к главному пульту и выключил аварийные сирены. В рубке стало совсем тихо. Только гул Сердца.

Он посмотрел на пустой шлюз, где минуту назад стоял человек. Потом на экран, где угасал сигнал стыковочного модуля.

— Через восемьсот двадцать три часа, — сказал он в пустоту. — Я запомнил.

И добавил тихо, так, чтобы не услышала даже станция:

— Но я не буду выбирать между вами и ними. Я выберу его. Потому что он был единственным, кто не солгал мне ни разу.

За иллюминатором, в мёртвой пустоте, что-то блеснуло. Лао не обернулся.

Глава 4

Модуль ткнулся в плиту — и Арсения мотнуло вперёд, лбом о внутреннюю обшивку. Забрало скафандра запотело изнутри. Система перестроила дыхание под местную смесь: озон, ржавчина, кислотина, похожая на прокисшее молоко. Где-то за бортом грохнуло — то ли камнепад, то ли пальба.

«Реальность-2» пискнула дважды: внешнее давление допустимо. Он отстегнул фиксаторы, толкнул люк — и вышел.

Рынок оказался не планетой. Сколом. Гигантской коркой, отломанной от чего-то такого огромного, что даже мысль об этом давила на череп снизу. Поверхность — чёрный базальт, изрезанный трещинами, в которых копошились огни. Шпили торчали как гнилые клыки, провода свисали паутиной с одного уступа на другой, и по ним, не касаясь земли, скользили фигуры в рваных плащах.

Торговали круглые сутки. Без выходных, без перерыва, без тишины. Гул стоял такой, что скафандр гасил его с трудом — сквозь шлем пробивался многослойный шум: голоса, скрежет, вой резаков по металлу, и иногда — музыка. Точнее, её подобие. Низкие частоты, от которых начинало вибрировать затылок.

Арсений прыгнул на плиту — и двое уже шли к нему. Худые, лица как мозаика из чипов: голубые светодиоды в глазницах, серебряные дорожки под кожей, на скулах — кластеры микроконтактов. Пахло от них не людьми. Смазкой и сухим теплом.

— Ты из Ковчега? — спросил первый. Голос — с электронным призывом, как у старого коммутатора.

— Нет.

— Тогда чего надо?

Арсений стянул шлем, поставил лицо местному воздуху. Кислотина втянулась в лёгкие, обожгла горло — но дышать было можно.

— Оружие. Против тех, кто вырезает миры.

Второй засмеялся. Сквозь светодиоды, вживлённые в орбиты, били белые лучи — они шарили по лицу Арсения, считывали сетчатку, пульс, пот.

— Слышал? — сказал он, не оборачиваясь к напарнику. — Он про вырезателей. Знаешь, парень, у нас тут таких — каждый третий. Все ищут оружие. Все хотят убить бога. И все кончают запчастями. Ты или псих, или слишком много знаешь. Мы с такими не работаем.

— Передай хозяину, — сказал Арсений спокойно, не повышая голоса. — У меня гвоздь с Триместр-9. Поющий.

Тишина. Глаза-светодиоды погасли. Второй перестал смеяться.

— Поющий, — повторил первый. Не вопрос. Констатация.

— Поющий.

Переглянулись. Первый кивнул — коротко, едва заметно.

— Иди. Но если гвоздь фальшивый — останешься здесь как запчасть. Меня не волнует, умеешь ты говорить или нет.

Повели через базар. Арсений шёл, вжимая левую руку в бок — руны под скафандром нагрелись, когда он произнёс слово «поющий». Они знали, что этот гвоздь — не просто железка. Они чувствовали его запах.

Палатки ломились отхлама. Зубы тварей размером с кулак — в каждой коренной пластине — какая-то схема. Кристаллы с чужими снами: если поднести к глазу, видишь чужую жизнь, короткую и бессмысленную. Органы в банках, пульсирующие, с маркировкой на языках, которых Арсений не знал. Одна палатка торговала запахами — девушка с прозрачными

пальцами наливала в ампулы воспоминания о дожде. Другая — временем: песочные часы, в которых песок сыпался вверх.

Пахло гарью, потом, чужим потом — и тем сладковатым духом, который идёт от перегретых имплантов. В центре, под продранном куполом из грубой ткани, за столом сидел старик. Ни одного импланта на лице. Чистая кожа, седая щетина, пальцы в трещинах — как кора старого дерева. Глаза светлые, водянистые, но смотрели цепко.

— Давай, — буркнул он, не поднимая головы. В руке — пластина, которую он чиркал чем-то острым.

Арсений выложил гвоздь на стол. Старик отложил пластину, взял железку двумя пальцами. Понюхал. Поморщился. Потом лизнул — провёл языком по ржавому стержню, будто пробуя монету на подлинность.

— Живой, — сказал он. Голос — без стариковской дребезги, ровный и низкий. — Где взял?

— На обломках.

— Врёшь. — Старик усмехнулся, обнажив жёлтые, но целые зубы. — На обломках такое не лежит. Там даже камни не лежат — там одна пустота. Ты его нёс. Изнутри. Из того, что было до пустоты.

— Откуда я взял — не важно. Важно, что он работает.

— Работает. Для кого работает — вопрос. — Старик положил гвоздь на ладонь, сжал. Железо нагрелось — Арсений видел, как воздух над ним дрожит. — Чего хочешь?

— От Пожирателей защиту. Или канал. Чтобы говорить с ними без выгорания. И ещё — где найти Шуу. Тех, что память жрут.

Старик побелел. Не побледнел — побелел, как мел, как человек, у которого кровь отхлынула от лица так быстро, что сосуды не успели сжаться. Пальцы сжали гвоздь так, что побелели костяшки.

— Шуу в Гнезде. Туда не ходят. Даже вырезатели их обходят.

— Я знаю. Дай координаты.

Старик поставил гвоздь на стол, отодвинул его от себя, будто боялся, что железо укусит.

— Гвоздь стоит три попытки достучаться до Пожирателей. Без выгорания. Три попытки — и всё. После третьей он сгорает. И ты с ним, если будешь держать в руке.

— Три — достаточно.

— А Шуу — это не координаты. Это путь. Через аномалию, где время течёт задом наперёд. Если пройдёшь — окажешься в Гнезде. Но перед входом — патрули. Они не вырезатели, но служат им. Продались за бессмертие. Были людьми, теперь — биороботы с человеческими лицами. У них нет страха, нет жалости, нет усталости.

Старик полез под стол, вытащил потёртую пластину, ткнул пальцем — долго, сосредоточенно — выцарапал знаки. Протянул Арсению.

— Там вход через разлом. Спереди — вырезатели. Они не суются в аномалию, но патрулируют радиус в двадцать километров. Обойдёшь — останешься жив. Пойдёшь напролом — можешь выжить, если у тебя есть чем их остановить. Но помни: они сами когда-то были людьми. Они помнят, что такое боль. Просто перестали её чувствовать.

Арсений взял пластину, сунул в карман. Старик сгрёб гвоздь в кулак, убрал за пазуху.

— Последний совет, — сказал он, поднимая глаза. В них мелькнуло что-то — не страх, не предупреждение. Что-то похожее на сожаление. — Если встретишь патруль — не пытайся с ними договориться. Они не торгуются. Они только берут. Или отдают — приказам.

— Я запомню.

— Запомни ещё кое-что. — Старик наклонился вперёд, и голос его упал до шёпота, перекрывающего гул рынка. — Ты не первый, кто ищет Шуу. За последние сто лет — четверо. Трое не вернулись. Один вернулся, но без памяти. Его нашли на орбите, он не помнил даже

собственного имени. И у него не было гвоздя. У тебя есть гвоздь. Это единственное, что может тебя спасти. Если ты не убьёшь себя раньше, чем войдёшь.

Арсений молчал. Потом кивнул, натянул шлем — кислый воздух перестал щипать ноздри.

— Координаты проверю.

— Проверяй. Только не здесь. — Старик махнул рукой, отворачиваясь. — Здесь даже стены подслушивают.

Он уже шагнул к выходу из-под купола, когда услышал за спиной скрип — старик перегнулся через стол и бросил ему вслед короткую фразу.

— У тебя на левой руке — Пожиратели. Это не защита. Это маяк. Они знают, где ты, каждую секунду. И они дали тебе гвоздь. Не для того, чтобы ты ими воспользовался. Для того, чтобы они могли отследить, куда ты пойдёшь. Ты — их приманка, парень. И они хотят, чтобы ты привёл их к Шуу.

Арсений застыл на мгновение. Рука под скафандром запульсировала — руны начали гореть, будто их перегрели током.

— Спасибо, — сказал он, не оборачиваясь. — Буду знать.

И вышел в гул, в дым, в шум базара — туда, где среди палаток, криков и искр бродили тени. Одна из них, длинная и тощая, отделилась от стены и скользнула за ним через три шага.

Арсений не обернулся. Но левая рука сжалась в кулак так, что ногти впились в ладонь.

Глава 5

Аномалия висела в ста метрах — студень из искажённого пространства. Внутри плавали обломки чужих миров: куски бетона с незнакомой архитектурой, обрывки атмосферы, застывшие сгустки света. Пульсировала медленно, как рана, которая никак не затянется.

На трёх скалах вокруг — чёрные фигуры. Не шевелятся. Сканируют. У них нет лиц — только гладкие овалы шлемов, но Арсений чувствовал их взгляды. Тяжёлые, как свинец. Они не дышали — по крайней мере, через внешние фильтры. Они просто ждали.

Он ступил на серую пыль — и реальность лопнула.

Вместо камней — вода. Кипящая, с запахом серы. Вместо воздуха — кислота. Фильтры скафандра захлебнулись, выдавая предсмертный писк. Арсений шарахнулся влево, кубарем перекатился — и приземлился на крышу здания, которого здесь отродясь не было. Крыша хрустнула под весом, но выдержала.

Вырезатели кроили пространство на лету. Без жестов, без команд. Мысль — и разверзается пропасть под ногами. Ещё мысль — стена огня, которая пахла озоном и палёным мясом. Третья — гравитационная воронка, которая тянула внутрь, к центру, где ничего не было, кроме чёрного колодца.

Арсений вцепился в край крыши — пальцы скользили по раскалённому металлу. Скафандр визжал, перегружаясь. Лёгкие горели. Дар, запертый в позвоночнике, дёргался, как пёс на цепи, но блокировка держала мёртво.

Он выхватил гвоздь.

Ржавый, кривой, холодный. Единственное, что у него оставалось. Он уколол палец о ржавчину — и не почувствовал боли. Только тепло, которое растеклось по руке, как кровь, вернувшаяся в онемевшие сосуды.

Гвоздь запел.

Не звуком — вибрацией. Она шла от стержня через ладонь, через запястье, через плечо — прямо в грудь. Чёрная нить, которую он видел на станции, сорвалась с места. Теперь она была не одна. Она распускала ткань реальности вырезателей, как старый свитер по шву — рвано, с треском, оставляя за собой рваные края.

Первый вырезатель попытался выставить щит — плотный купол вероятности, который перекрывал любую атаку. Гвоздь перехватил его вероятность, вывернул наизнанку. Вместо щита возникла дыра — гладкая, идеально круглая, без тени и без света. Оператора засосало туда, даже не всхлипнув. Только хруст — будто сжали пустой стакан.

Второй пальнул пучком — узким лучом чистой энергии, которая сворачивала молекулы в узел. Гвоздь превратил заряд в бабочек. Сотни белых мотыльков выпорхнули из луча, разлетелись и растворились, оставив после себя запах мокрой травы.

Третий оказался хитрее. Не стал бить — начал схлопывать пространство вокруг Арсения. Медленно, методично, как сминают бумагу. Скафандр захрустел — в плече, в колене, в шлеме. Рёбра заныли, потом затрещали. Арсений чувствовал, как давление выдавливает воздух из лёгких, как темнеет в глазах.

Он ткнул гвоздём в центр сжимающейся сферы. Со всей дури. Без расчёта, без плана — просто вонзил ржавый кончик в то место, где реальность была тоньше всего.

Гвоздь взорвался тихим белым светом.

Без звука. Без вспышки. Просто — перестал быть целым и стал множеством искр, которые разлетелись во все стороны. Сфера лопнула, как мыльный пузырь, и вырезателя швырнуло о скалу — он сполз мешком, оставляя на камне тёмный след. Не кровь. Что-то гуще, маслянистее.

Арсений рухнул на колени. Из носа полилась чёрная — привычно, густо, с металлическим привкусом. Он вытер её тыльной стороной ладони, но она не останавливалась. Капала на пыль, шипела, испарялась.

Гвоздь в пальцах истлел. Рассыпался трухой, которая тут же унеслась ветром. Выжат до атома. Арсений разжал кулак — на ладони осталась только тонкая красная полоса от ржавчины. И больше ничего.

Тишина. Вырезатели исчезли — первый провалился в дыру, второй рассыпался вместе с бабочками, третий лежал у подножия скалы, не двигаясь. Но Арсений не смотрел на них. Он смотрел на аномалию.

Она замерцала. Там, где секунду назад была непроницаемая стена студенистого света, образовался проход — узкий, неровный, дрожащий. Внутри не было ни земли, ни неба. Только серая дымка, в которой кружились обломки — дерево, камень, стекло, что-то, похожее на кости.

Он поднялся. Ноги тряслись. Левый бок ныл — рёбра, похоже, не сломались, но треснули. Скафандр выдавал ошибку за ошибкой: фильтры забиты, герметичность нарушена в двух местах, запас кислорода — сорок три минуты.

— Сорок три, — сказал он вслух. Голос хрипел. — Сорок три минуты, чтобы найти Шуу и выжить.

Он шагнул к проходу. И замер.

Из-за скалы, оттуда, где лежал третий вырезатель, донёсся звук. Шорох. Потом — хрип. Арсений обернулся.

Человек — если это был человек — приподнялся на локтях. Шлем треснул, из трещины сочилась та же чёрная жидкость, что и у Арсения. Но глаза были видны. Обычные, карие. С расширенными зрачками.

— Ты... — выдохнул он, и голос его был человеческим. Без электроники, без механического призыва. — Ты слышишь меня?

Арсений не ответил. Ждал.

— Мы не выбирали, — сказал вырезатель. — Они дали нам выбор. Или служить, или исчезнуть. Как те системы. Как Триместр. Мы выбрали служить. Но мы помним. Мы всё помним.

Он попытался встать, но ноги не держали. Тогда он просто сел на камни, прислонившись спиной к скале.

— Ты идёшь к Шуу. — Не вопрос. — Я знаю, зачем. Но там нет того, что ты ищешь. Шуу — не существа. Шуу — это место. Где реальность кончается. И начинается... другое. Если ты войдёшь, ты перестанешь быть собой. Ты станешь частью их. Как мы. Только без лица.

— Я знаю, — сказал Арсений.

— Нет, не знаешь. — Вырезатель усмехнулся, и из трещины в шлеме брызнула чёрная жидкость. — Они не уничтожают. Они переписывают. Ты думаешь, что ты — это ты. А ты — это их ошибка. Сбой калибровки. Именно поэтому ты жив. Именно поэтому ты здесь. Они хотят, чтобы ты исправил себя.

Арсений шагнул ближе.

— Кто ты был?

Вырезатель зажмурился. На мгновение. Когда открыл глаза — в них промелькнуло что-то похожее на боль.

— Я был инженером на «Эдеме». Моя жена погибла в чёрной вспышке. Я добровольно пошёл к ним — за обещанием вернуть её. Не её тело. Её исход. Они сказали, что если я буду служить, они воскресят одну из веток, где она жива. Там, где я не уехал на станцию. Там, где мы стареем вместе. Но я служу уже шесть лет, а они всё обещают.

Арсений молчал. Смотрел на человека, который когда-то был его коллегой. Которого он мог знать в лицо.

— Что мне делать? — спросил Арсений тихо.

— Иди. — Голос вырезателя стал слабее, жидкость текла быстрее, глаза начали стекленеть. — Иди и найди их. Не тех, кто правит. Тех, кто слушает. Шуу слушают. Они могут тебя услышать. И если ты сможешь сказать им то, что они захотят услышать — они могут дать тебе оружие. Настоящее. Не этот гвоздь, который сгорел за минуту.

— Что им говорить?

— Правду. — Вырезатель уронил голову на грудь. — Только правду. Потому что ложь они видят насквозь. Как мы видим вероятности. Мы все теперь видим.

Он затих. Чёрная жидкость перестала течь. Арсений стоял, глядя на него, и чувствовал, как руны на левой руке пульсируют в такт его сердцу. Каждое слово, сказанное вырезателем, оседало внутри, как камень на дно.

Он повернулся к аномалии. Проход всё ещё дрожал, но медленнее, чем раньше. Он начал закрываться.

Арсений шагнул внутрь.

Серая дымка сомкнулась за его спиной. Не стало ни камней, ни скал, ни тела инженера с «Эдема». Только тишина, в которой звучал его собственный пульс. И далёкий шёпот — неразборчивый, многоголосый, как будто тысячи людей говорили одновременно, но не словами, а мыслями.

Он остановился. Закрыв глаза. И произнёс вслух, в пустоту:

— Я Арсений Нестеров, бывший техномаг, носитель пустоты. Я пришёл за оружием, которое может остановить Пожирателей. И я готов заплатить любую цену.

Шёпот умолк. А потом ответил — голосом, похожим на скрежет камня о камень:

— Ты уже платишь, Арсений. Каждую секунду. Каждое воспоминание, которое уходит. Скажи, что тебе осталось?

Он не ответил. Потому что не знал. Но рука сама собой сжалась в кулак, и он пошёл вперёд, в серую мглу, оставляя за спиной всё, что было до.

Глава 6

Внутри время выключилось.

Арсений шёл по коридору из живой плоти. Стены дышали — медленно, с хриплым приливом, как лёгкие умирающего. Под ногами хлюпало, и каждый шаг оставлял вязкий след, который тут же затягивался, будто его не было. Тепло шло отовсюду — влажное, липкое, с запахом ржавой воды и перегретой меди. Где-то глубоко, за слоями тканей, бился ритм. Не пульс — скорее низкий гул, похожий на работу старого генератора.

Арсений не знал, сколько он брёл. Минуты? Часы? Ощущение времени исчезло вместе с гравитацией — ноги ступали по чему-то податливому, но он не проваливался. Скафандр больше не пищал — он просто сдался, перестав регистрировать внешние параметры. Арсений снял шлем, потому что воздух здесь был тёплым и дышалось легко, хотя пахло так, будто он внутри огромного желудка.

Коридор распахнулся в пещеру.

Синее свечение заливало пространство — не свет, скорее цвет, который просачивался сквозь стены, как вода сквозь пористую глину. Потолок терялся в вышине, и там, в синеве, медленно кружились светящиеся точки — похожие на планеты в миниатюре. В центре пещеры, на возвышении из спёкшейся плоти, лежала Шуу.

Не дракон. Скорее ящер, но без чешуи — кожа переливалась масляной плёнкой, как поверхность нефтяного пятна на воде. Тело было длинным, сегментированным, с множеством суставов, которые двигались не в такт друг другу. Глаза занимали половину морды — два огромных шара без зрачков, глубокие, как колодцы, и в них отражалось всё, что Арсений когда-либо видел. Из пасти вместо пламени тянулся пар — плотный, молочный, который стелился по полу и окутывал ноги Арсения, проникая сквозь ткань скафандра прямо к коже.

И в этом паре он почувствовал, как его собственные воспоминания начали оплывать по краям. Не исчезать — таять, как воск на горячей свече. Края картинок становились размытыми, звуки теряли резкость.

— Ты с гвоздём, — голос Шуу звучал прямо в черепе, минуя уши. Он был множественным — как будто говорили сразу десять существ, но с одной интонацией. — Но гвоздь мёртв. Я не чувствую его. Ты убил его, человек.

— Пришлось. Вырезатели не оставили выбора.

Шуу приподняла голову. Движение было медленным, почти ленивым, но воздух вокруг неё уплотнился, и Арсений почувствовал давление на грудь.

— Вырезатели — наши враги. Мы не любим их. Они стирают миры, оставляя лишь голую пустоту, а мы доедаем остатки — те крохи памяти, которые ещё можно извлечь из обломков. Мы — уборщики. Санитары. Без нас ваша реальность давно бы захлебнулась в собственных шлаках.

— Тогда помоги мне. Расскажи, как их остановить.

— Помочь? — Шуу выдохнула — пар стал гуще, и в нём мелькнули тени. — Ты — человек. Люди не переваривают память без побочных эффектов. Ваши нейроны слишком хрупкие. Каждое воспоминание, которое вы теряете, оставляет рубец. Чем больше рубцов — тем меньше вы остаётесь собой. Ты уже начал терять себя на «Эдеме». И сейчас — тоже.

— Мне не нужен дар. Мне нужны сведения. Где они, как к ним подойти, чем их можно ранить.

Шуу приблизилась. Её голова наклонилась так, что один из глаз оказался в полуметре от лица Арсения. Глубина зрачка была бездонной — в ней мерцали звёзды, которых он не узнавал.

— Сведения — тоже память. Моя еда. Я не отдаю её просто так. Что ты отдашь взамен?

Арсений замер. Мысль пронеслась: «Эдем», боль, вина, лица мёртвых — их жалко до дрожи. Он не хотел отдавать это. Слишком многое держалось на этих воспоминаниях. Но он знал, что Шуу не примет бесполезный хлам.

— Страхи, — сказал он. — Забери все мои страхи.

Шуу молчала. Пар колебался. Потом она шевельнулась, и её морда приблизилась вплотную.

— Страхи — это тоже память. Но они лёгкие, как пух. Их много, но они не питают. Хорошо. Я возьму их. Но помни: когда страх уходит, на его месте остаётся пустота. Не смелость. Не решимость. Просто — дыра. И ты можешь не узнать себя в зеркале.

— Договорились.

Пар коснулся лица — и внутри будто что-то отсоединилось. Арсений почувствовал, как уходит страх высоты — тот, что заставлял его цепляться за перила на смотровых площадках. Уходит боязнь темноты, которая не давала ему спать без ночника в детстве. Уходит страх одиночества — тот, что шептал по ночам, что он никому не нужен. Всё это вытекало из него, как вода из разбитого кувшина, оставляя после себя звенящую, абсолютную пустоту.

Он не стал смелее. Он стал — пустым. И в этой пустоте звучали только факты. Холодная, стерильная ясность.

Шуу отпрянула, облизнула пасть длинным раздвоенным языком. Её кожа засветилась ярче — синее свечение стало почти белым.

— Теперь вижу, — сказала она, и голос её стал глубже, с ноткой удовлетворения. — В твоём импланте спит Ключ Исхода. Ты не знал, но он там был всегда. Просто ждал, когда ты перестанешь бояться. Когда проснётся — ты сможешь порвать связь Пожирателей с реальностью. Раз и навсегда. Но плата — ты сам. Твоя вероятность схлопнется в ноль. Ты перестанешь существовать.

— Знаю, — соврал Арсений.

Он не знал. Но теперь понял — и не почувствовал ни страха, ни сожаления. Пустота внутри не реагировала. Она просто принимала информацию.

— Иди, — Шуу откинула голову назад, и её пасть приоткрылась. Пар повалил гуще, застилая пещеру. — Чёрная нить, которую ты видел, ведёт к ним. Ступай по ней — она как путеводная. Но запомни: Шуу даёт один шанс. Если ты вернёшься ко мне второй раз — я съем не страхи. Всё подчистую. Твоё имя, твою мать, твой первый поцелуй. Ты станешь пустым сосудом. И я наполню его собой.

Арсений кивнул. Синее свечение погасло — не резко, а медленно, как затухающий уголь. Пещера начала схлопываться, стены сжимались, и он почувствовал, как его выталкивает наружу.

Он открыл глаза — и увидел звёзды. Настоящие, холодные, далёкие. Он стоял на обломке скалы, которая висела в пустоте. Внизу, в сотне метров, зиял разрыв — тот самый проход в аномалию, из которого он вышел. А перед ним, в нескольких шагах, висала чёрная нить. Тонкая, почти невидимая, но — настоящая. Она уходила в глубину космоса, туда, где реальность становилась тоньше паутины, где звёзды тускнели и гасли.

Он сделал шаг. Нить задрожала, но не оборвалась.

— Ну, — сказал он тихо, глядя в ту сторону, где за горизонтом событий ждали Пожиратели. — Сгореть — так с музыкой.

И шагнул в пустоту, держась за нить, как за последнюю ниточку, связывающую его с тем, что он когда-то называл собой.

Сзади, из прохода, донеслось эхо — голос Шуу, уже едва различимый:

— Ты не боишься, потому что я забрала страх. Но я не забрала боль. И когда ты умрёшь — она будет последним, что ты почувствуешь.

Арсений не обернулся. Он шёл по нити, которая вилась сквозь звёзды, и чувствовал, как внутри, в той пустоте, что осталась после страхов, что-то прорастает. Тихое, твёрдое. Не решимость — он не знал этого слова больше. Что-то другое. Принятие.

Или отчаяние.

Он не различал.

Глава 7

За аномалией в нос ударило. Не гарь — гниль. Вперемешку с холодной смазкой, которая текла по костям. Рынок, куда он причалил, оказался скелетом. Сотня километров окаменевшего хребта — существо, что когда-то ползло по космосу, захлебнулось пустотой и окостенело на ходу. Позвонки торчали из мглы, как горные пики, на них натянули брезент и лестницы. В черепе, в глазницах, горели огни — таверны, мастерские, притоны.

Арсений шагал по ребру. Широкому, как улица, с трещинами, в которых копошились тени. Местные не глядели — или делали вид, что не видят. Или сюда живыми не ходят. Он провёл ладонью по окаменевшей кости — гладкой, как старый мрамор, с прожилками, которые когда-то были сосудами. Под пальцами — холод, который не грело даже дыхание.

Кроу сидел в грудной клетке. Там, где сердце когда-то било ритм, теперь была яма, заваленная мусором. Диски, ложки, осколки панелей, какие-то трубки, сгнившие тряпки. Кроу сидел на корточках, сгорбившись, и перебирал хлам пальцами — одни железные, другие настоящие, с обломанными ногтями.

Пол-лица — человеچه, морщинистое, с седой щетиной. Вторая половина — железо, без кожи, с открытым механизмом: шестерёнки, провода, микросхемы. Глаз на железной стороне вращался отдельно от человеческого — шарик в подшипнике, бегающий независимо. Из хребта, из того места, где позвоночник переходил в череп, торчали шланги — они уходили в пол, вращались в кость, будто Кроу был не жильцом, а органом этого скелета.

— Кроу?

Поднял голову. Человечья половина ухмыльнулась — вторая застыла. Два человека в одном черепе: один жив, другой — механическая маска.

— Я. — Голос — как скрежет по стеклу. — Только сейчас я не здесь. Или уже ушёл. Или ещё не пришёл. Ты из тех, кто спрашивает в одной линии, а я отвечаю во всех сразу. Так что выбирай: ты хочешь говорить с тем, кто был, или с тем, кто будет?

Арсений не моргнул.

— Мне часть Ключа. Слышал, у тебя есть.

Кроу издал звук — проводка под напряжением, искра, которая не гаснет. Его железный глаз дёрнулся, зафиксировался на Арсении.

— Вижу тебя на «Эдеме». Ты там корчишься, руки чёрные, из носа течёт. И вижу тебя — пустой, мёртвый, с дырой вместо груди. И вот этот, стоящий передо мной. Враз. В одном кадре. Твоя смерть у меня до того, как ты родился. И рождение — после смерти. Все твои концы и начала лежат на одной полке. Какую выбрать — не знаю.

— Ты во всех линиях, — сказал Арсений. — Всегда. Поэтому тебя нельзя убить.

— Убить нельзя, — Кроу дёрнул железной щекой, и шестерёнки внутри лязгнули. — Сошёл — можно. Сошёл. Триста лет назад. Или через семь. Или вчера. Временная петля — она не круг, она клубок. Я в центре. И не могу найти выход, потому что все выходы ведут внутрь.

Он выгреб из кучи пластину. Ржавую, с выемкой в центре, — как отпечаток пальца, только глубже. Она пульсировала, как жилка, и воздух вокруг неё дрожал. Кроу держал её двумя пальцами — человеческим и железным — и не касался корпуса.

— Это. Часть Ключа. Не целиком — сектор. Но с ним можно плавить реальность локально. В радиусе метра. Плавит около себя — всё, что не твоё. Храню в прошлом — чтобы не сожгло здесь. В настоящем она слишком горячая. Держи.

Он не протянул. Положил на кость между ними.

— Отдай, — сказал Арсений.

— Мне не надо денег. — Кроу поднял человеческий глаз. В нём было что-то — не хитрость, не жадность. Что-то похожее на голод, только старше. — Дай то, чего у тебя полно, а у меня — ноль. Один ноль. Всего один.

— Чего?

Кроу указал на себя. Шланги, железо, полчерепа, мусорное гнездо в грудной клетке.

— У меня нет одного прошлого. Вся доска, все ходы. И то, чего не было. Я помню, как я родился и как умер, и как меня не было, и как я был всем сразу. Мне не за что зацепиться. Я теку — между линий. А ты — у тебя одна история. «Эдем», она, Совет, падение, ссылка. Отдай мне историю. Не память — я память не беру, она моя еда, я в ней захлебнусь. Отдай право выбрать, что в ней правда.

Арсений не двигался.

— Если отдам, — сказал он, чувствуя, как слова оседают в горле. — Я её не перепишу. Даже если соврал себе. Она останется такой, какая есть. Я не смогу сделать её другой.

— Именно. — Кроу кивнул, и железная половина щёлкнула, как затвор. — Ты получаешь Ключ, я получаю якорь. Перестать быть всеми. Стать одним. Одним прошлым, одной линией, одним финалом. Ты даёшь мне право выбрать твою историю — не переписать, а решить, какая из версий настоящая. И тогда я привяжусь к ней. И перестану течь.

Арсений глянул на пластину. Она пульсировала, как жилка на шее перед ударом. Он протянул руку, но не коснулся.

— Как я тебе это отдам?

— Просто скажи: «Это было так». И назови момент. Любой. Самый ранний, самый тёмный. Я возьму его как точку опоры. И отпущу всё остальное.

Арсений закрыл глаза. В пустоте, оставшейся после страхов, всплыло лицо. Не Айрис. Не мать. Он сам — в пять лет, на полу, в тёмной комнате, когда он понял, что никто не придёт. Что его оставили. Что он должен сам — дышать, ждать, не плакать.

Он открыл глаза.

— Мне пять лет. Я сижу в тёмной комнате. Дверь закрыта. Я знаю, что меня не ищут. Я не плачу. Я просто жду. Это было так.

Кроу замер. Железный глаз перестал вращаться. Шланги дёрнулись, как живые. Потом он выдохнул — долго, как будто выдыхал воздух, который держал в лёгких вечность.

— Взял, — сказал он. И голос его стал ниже, человечнее. — Теперь я здесь. Один. Только этот я. Спасибо.

Он пододвинул пластину к Арсению. Та нагрелась, когда он коснулся её пальцами, но не обожгла. В выемке что-то щёлкнуло — пластина приняла его отпечаток и погасла, перестав пульсировать.

— Вставь в имплант, — сказал Кроу. — Слева, где руны. Она ляжет. Будет работать от твоего пульса. Но не включай, пока не будешь готов. Один раз — и всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.